

Социальный институт старости: традиция и современность

1.

Древние переживали старость как лучшее время человеческой жизни. Старость была соответственным образом институционализирована. Новоевропейская цивилизация, напротив, по крайней мере, когда она была на подъеме, создала культ молодости. Культура старости оказалась утерянной. Социальный институт старости лежит в руинах. Сейчас, в эпоху надлома Новоевропейской цивилизации, старые люди в развитых странах начинают составлять все более значительную часть населения. Необходимо, если это возможно, восстановить древнюю культуру старости. С увеличением продолжительности жизни землян именно старый человек станет наиболее типичным для представления «человека вообще». Между тем инерция сильна: в американский космический зонд, отправленный в межзвездное пространство для возможного контакта с инопланетными цивилизациями, были заложены гравированные на металле изображения *молодых* мужчины и женщины как представителей рода человеческого.

Всеми силами стимулируют и симулируют сохранение молодости, пытаются преодолеть естественный жизненный цикл индивида, необходимо включающий старение и смерть. Сами слова «старик» или, особенно, «старуха» носят табуальный характер, заменяется эвфемизмами. Так называемые «пожилые люди» в рамках новоевропейской цивилизации лишены подходящего словаря для того, чтобы идентифицироваться со своим возрастом. Тем более у них нет системы необходимых навыков, для того чтобы осуществить полноту бытия в старости. Для этого необходимо тематизировать старость в философском плане — необходимо выстроить модель старости, обозначить ее структуру, причем не естественнонаучного, а гуманитарного типа, ориентированную на определенные ценности.

Такого рода структура в каждом конкретном человеке, достигшем соответствующего возраста, обнаруживает моменты *настоящей* старости и моменты *неподлинной* старости. Жизнь старика определена тем, какие моменты в нем преобладают. Существует, с одной стороны, *идеал старика*, унаследованный от традиционного общества, есть *настоящие старики*. С другой стороны, налицо «*старческая неадекватность*», когда человек не может справиться с особенностями своего возраста.

«**Настоящий старик**». Демокрит указал на два фундаментальных моральных свойства, которые содержат в себе целую программу идеала старости. Старик должен быть *приветлив* и *серьезен*.

Приветливость старика базируется на том, что он выходит уже из напряженного силового поля своих собственных субъективных целей. Старик уже совершил все, что следовало сделать. Он уже ничего никому не должен. Приветливость предполагает априорно хорошее отношение к ближним и дальним, искреннюю заинтересованность в них. Другой интересуется старика не потому, что он надеется использовать этого Другого как средство в каких-то своих целях, а интересуется, во-первых, сам по себе, как самоцель, и, во-вторых, как момент развития надличностного целого.

Старик уже всего достиг, он не рвется к самоосуществлению и самореализации, как молодой человек. Поэтому настоящему старику незнакомо чувство зависти. Он не хочет быть «женихом на всех свадьбах и покойником на всех похоронах», он не стремится во что бы то ни стало заявить о себе, удивить Другого, заставить слушать себя. Старик сам умеет понимающим образом слушать. Для него характерно высокое доброжелательное и понимающее молчание. Старик органически принимает бытие таким, каково оно есть, поскольку он в отношениях с Другим не самоутверждается. Старик терпим и терпелив. Он никуда не спешит. Ему никуда торопиться. Он не боится «темпоральными болезнями»: поспешностью, суетой.

В то же время настоящий старик далек от *нерешительности*, проистекающей из опасения совершить что-то «непоправимое». Его характеризует «фундаментальная сознательная решимость, обращенная к сути бытия», уже радикальным образом снявшая страх перед будущим.

Форма обнаружения приветливости – щедрость. Старик в своей приветливости *щедр*. Деньги – существенное измерение человеческого бытия в цивилизованном обществе. Настоящий старик сумеет быть щедрым и в том случае, если он, по общепринятым меркам, считается бедным. «Богат не тот, кто много имеет, а тот, кто мало хочет».

Моральное свойство *серьезности* также несет не только эвристический, но и нравственный смысл. Оно предполагает, что старик живет торжественно. Он способен смотреть на мир с точки зрения вечности, отделять важное от неважного, существенное от несущественного. В старости становятся видны «неподвижные звезды», вечные ценности. Ими и руководствуется настоящий старик.

Словом, настоящий старик, как мы его представляем в идеале, то есть приветливый и серьезный, не высматривает выгоды и пользы в мире, а созерцает его¹.

«**Старческая неадекватность**» разворачивается как извращение, или превращенные формы самих достоинств старика². Удержаться от такого извращения нелегко. Тем более, что здесь не все зависит от «доброй воли», но также и от случая. Одному старику «повезло», другому «не повезло», например, с особенностями здоровья или окружающей среды, или с близкими, или с наследством, или — с цивилизацией. Если каждый человек, как говорил В.В.Розанов, заслуживает только жалости, то уж старик — тем более: на него в упор, как Медуза Горгона, смотрит смерть. Неадекватность — такова диалектика! — разворачивает до противоположности фундаментальные достоинства старческого возраста.

Она разворачивается как «*старческие болезни общения*», в которых человек не может справиться со своими особенностями. В псевдоприветливости старик может быть навязчив. В своей претензии на жизненный опыт он оказывается склонен к индоктринации, морализированию, т.е. к выдвиганию таких нравственных требований, которые не отвечают существующей ситуации.

Симулирована может быть и серьезность, она, превращаясь в *застывшую маску высокомерия*, может стать любимым блефом старика. Старость в своей неадекватности это вообще время имитаций, время симулякров. Старость — время разыгрывания, время такого «старческого театра», от которого бедняге сложно удержаться. Не он играет спектакль своей старости, а спектакль как бы играет им самим.

Старость представляется как гипертрофия идентифицированности и, поэтому, в известном смысле — гипертрофия воли. Тирания застывших образцов, с которыми старик хочет идентифицироваться, приводит к волевым потугам. Но воля может распоряжаться только формой, она лишь в ограниченной степени может предъявить свои права на содержание. Поэтому форма у стариков (как, впрочем, и в ранней юности) приобретает все более существенное значение.

Форма не только доминирует у старика, она даже тиранствует в нем. Смотришь на иного «пожилого человека», который издали кажется вполне достойным, но когда (в духовном смысле) приближа-

ешься к нему, то видно, что это одна высохшая оболочка. Только некоторые «техники тела»³, некоторые стереотипы «времен Очакова и покоренья Крыма», и — никакого содержания. Вот мы слушаем пленарный доклад почтенного старца, профессора или академика на конференции. На первый взгляд кажется, что «все в порядке». Он сам подтянут, благообразен, его речь выстроена риторически безукоризненно. Но пытаешься понять смысл и с ужасом чувствуешь — пустота! Эта последняя усугубляется еще и тем, что если молодого человека легко можно подвергнуть критике, то старик подобен «священной корове». Он в сущности уже мертв, поэтому о таком старике-симулякре, как о мертвом — «либо хорошо, либо — ничего». Критика запрещена. Но представляется, в том числе и ему самому, что «все в порядке». И если в нем самом недостает способности к иронии над самим собой, то вокруг распространяется атмосфера лицемерия и лжи. Окружение вынуждено играть свои отведенные роли в «стариковском театре».

Такой старик-симулякр обнаруживает главное: у него *уходит способность любить*. Речь идет, конечно, не о сексуальных потенциях, которые могут (и должны!) отойти на второй план, а именно о способности к любви как способности отдавать, классически описанной В.С.Соловьевым⁴ и Э.Фроммом⁵. «Ненастоящий старик» уже глубоко равнодушен к близким, к жене, детям. Но это еще полбеды. Беда в том, что он более или менее усердно разыгрывает любовь. То же — и в отношении к работе, к профессии. За его долгую жизнь работа ему надоела, она тяготит, но он более или менее талантливо, хотя и всегда формально, изображает активность, «трудоголизм», начитанность в современных книгах, в модных концепциях, «неумную» любознательность.

Ясно, что главной проблемой старости является проблема смерти. Причем вовсе не потому, что смерти можно как-то избежать. В этой главной для старика проблеме плохо может помочь позитивная наука, оперирующая *конечными* фактами. В лучшем случае она может продлить угасающую жизнь еще на 2—3 года, исполненных медицинских напряжения и озабоченности, страха и несбыточных надежд. Но ведь смерть ставит вопрос не о конечном, а о *бесконечном*. Чем может помочь перегруженный врач в районной поликлинике, если старухе 90 лет, она, погруженная в неистовую страсть к самосохранению, предъявляет ему все новые и новые недомогания и требование все это «вылечить»?! Одержимость лечением в старости есть иррациональная попытка рационализировать и разрешить техническими и позитивно научными средствами то, что рационализировать и технически предотвратить невозможно.

Применительно к старости особенно пронзительно звучат слова В.Набокова:

«Бессмертно все,
что невозвратно,
и в этой вечности обратной
блаженство гордое души».

Эти слова открывают иной выход из «проблемы старости» — «блаженство гордое души», указывающее в сторону бесконечности, а не зависящее от изощренных медицинских технологий.

Старость, таким образом, это не столько медицински-физиологическая, но душевная и духовная задача⁶. Ключевую роль в преодолении трудностей возраста могла бы сыграть *философская культура*. Однако наше философское просвещение «устроено» пока так, что оно обращает философское знание ко всем вне зависимости от возраста. Между тем молодой возраст⁷, к которому фактически адресованы университетские и вообще всякие философские курсы, наименее восприимчив к философии.

Философия нужна в критических состояниях, т.е., если взять возрастное измерение, философия особенно, жизненно необходима в детстве (как и в юности), а также в старости. Без философии невозможно, с одной стороны, становящемуся человеку, на этапе детства и ранней молодости, когда формируется общая концепция жизни и, с другой стороны, — без философии жить достойно не может старик, который в переживании и интуиции вечного, — предельных оснований бытия может всерьез завершить свой жизненный цикл, постепенно растворяясь во Вселенной.

Обратим внимание, что в институциональном отношении **старость и детство представляют собой симметричные структуры**. Существует инфантильное начало в старике и старческое начало в ребенке. У старика должна быть возможность учить, это, между прочим, одна из его высоких радостей жизни. У ребенка должна быть возможность учиться. В тандеме с юностью и детством старики могут и должны заниматься философией. Вот это и есть основание для формирования особой философской дисциплины, отрасли практической философии, которую мы предлагаем назвать *геронтофией* в отличие от конкретной медицинской науки геронтологии.

Старость — культурный феномен и социальный институт, причем такой феномен и такой институт, которые могут культивироваться не только и не столько с помощью медицинской науки, но с помощью тех форм духа, которые накопили тысячелетний опыт обращения с бесконечностями. Медицина в условиях надлома новоевропейской

цивилизации перегружена несвойственными ей функциями. Она, виноватая без вины, оказалась в тупике, поскольку ей предъявляют такие требования, которым она в принципе не может удовлетворить. Другие социальные институты могли бы разгрузить медицину от несвойственных ей функций, вывести ее из тупика. Это, конечно, религия и искусство. Но в первую очередь поможет преодолеть здесь сциентистские, позитивистские предрассудки общества *философия*. **Философская геронтология или – геронтософия**⁸ это философская дисциплина, а не положительная медицинская дисциплина. Последняя рассматривает старость и старение как по преимуществу физиологический процесс и обслуживает тот комплекс ценностных установок, которые (тщетно!) хотели бы «уничтожить» старость. Геронтософия это философская дисциплина, которая *рефлектирует феномен старости как целое с точки зрения вечности, осмысляет ее ценность и культивирует способы достойного пребывания в ней*.

2.

Чтобы по-настоящему понять старость, следует рассмотреть ее в отношениях с другими возрастами жизни. Старик, взятый сам по себе, сосредоточенный на своих болезненных ощущениях, боящийся еще большей боли, боящийся стать беспомощным, – стать обузой окружающим, такой старик, вместе со своими грозно надвигающимися недомоганиями, перед лицом неотвратимой смерти, – это трагедия. Но старик, который не один, который «держит за руку» Другого, который уверен в этом Другом, который знает, что вместе с Другим он делает общее дело, такой старик обнаруживает выход из трагического тупика. Помочь в таком трудном деле единства-с-другими может философия, но не всякая философия. Господствующая ныне в школе философская традиция Декарто-Кантовского направления не в состоянии здесь помочь. В самом деле, Кантов трансцендентальный субъект один-единственный в мире. Все другие субъекты это, так сказать, субъекты «второго сорта». Трансцендентальный субъект, как известно, вне пола и возраста, вне этноса и социального класса, вне культуры. Он способен только к монологу и в некотором роде обречен на фундаментальное, абсолютное одиночество. И когда к такому субъекту заявляется «в гости» смерть, он оказывается беспомощным перед ней.

Идея диалога занимает центральное место в другой системе мысли, где категория субъекта вообще отсутствует как исходная. Базовым в данном случае оказывается понятие смысловой среды, неко-

того континуума, существующего до всякого «Я»⁹. Диалогический анализ позволяет иначе помыслить человеческую жизнь. **Быть это значит быть в диалоге:** «Кто одинок, того, как будто, нет на свете».

В этой смысловой среде в качестве вторичных завязываются некоторые «узлы субъективности», по определению равноправные между собой. Здесь уже нет более важных и менее важных субъектов, здесь нет «субъектов второго сорта». Здесь становятся существенными непохожесть и уникальность отдельных субъектов, создающих «архитектуру» смысловой среды. Здесь не только существенны, но и драгоценны такие характеристики субъекта, как, например, молодой он или старый, мужчина он или женщина, и т.д. Поэтому *старик в диалоге* занимает иное, свое, незаменимое место по сравнению с молодым человеком. И поскольку этот диалог на основе появившихся субъективностей однажды возник, постольку сама смысловая среда изменяется под их воздействием.

Используем здесь аналогию с кристаллизацией в растворе. Пылинка, которая может стать центром кристаллизации в пересыщенном растворе, в принципе имеет совершенно другую природу по сравнению с природой самого раствора. Аналогичным образом, хотя качество самой смысловой среды во многом определяет, какие «центры кристаллизации» здесь возникают, но существенна также и *материальная природа* той «пылинки», которая служит пусковым механизмом возникновения субъективности. Иными словами, если трансцендентальный субъект принципиально абстрактен, то при диалогическом подходе становятся существенными такие характеристики индивида, как, например, молодой он или старый.

В некотором роде диалог можно уподобить силлогизму, где старик персонифицирует общее суждение, а молодой – частное суждение. Свойство серьезности, о котором говорилось выше, предполагает, что старик в диалоге несет начало *значимости* в творческом диалоге, в то время как молодой человек несет в себе начало *новизны*¹⁰.

Выражая начало значимости, старик в диалоге классически спокоен, уравновешен, гармоничен, но не романтически экзальтирован. Экзальтированность, экстравагантность, «авангардность», «постмодерность» допустима и даже необходима для генерации новизны. Экстраординарность, способность выворачивать идею наизнанку, способность к инверсии связана с поиском новизны. Эта роль отводится молодому. У старика значимое преобладает над новым. У него уже опробованные средства преобладают над генезисом целей. Экономность в выражении преобладает над романтической избыточностью, чрезмерностью и «затратностью». Сила старости в интеграции зна-

ния, необходимой для оценки значимости. Именно старик, который живет в непосредственном присутствии всеобщего, олицетворяя начало значимости в творческих диалогах, *предоставляет возможность* молодому человеку воплотить в себе начало новизны. С этой точки зрения старик в диалоге это для молодого человека — посредник в контакте с предельными основаниями бытия.

Старость это возраст не менее творческий, чем юность и зрелость, но творчество старика разворачивается в особом модусе, а потому подчас не заметно так, как творчество юности. Творчество старика не акцентировано на новизне, оно акцентировано на значимости. Старик — не инициатор нового, но он хранитель значимого, он хранитель культуры, ее «упорядочиватель» и систематизатор. Без его охранительной и систематизаторской работы само новое было бы невозможно. Вне системы, вне рамки значимого новое представало бы как просто хаос, случайные флюктуации. Поэтому упорядочивающая культурная деятельность старика есть необходимое условие возможности новаций молодых.

Следующим шагом в анализе роли старика в диалоге могла бы быть *типология* диалогизирующих стариков. Укажем здесь лишь два фундаментальных для исторического развития типа. Во-первых, это **старик-учитель**, приобщающий к мудрости, и, во-вторых, это **старик-полководец**, через воинский подвиг приобщающий молодого человека к вечности.

Образ настоящего старика-учителя это — бесконечно прекрасное лицо старого М.Ганди, возглавившего решительный прорыв Индии к модернизации. Или это мать Тереза (Тереза Гонджа Бояджиу Калькуттская), создавшая Орден милосердия, который на сегодняшний день имеет 400 отделений в 111 странах мира и 700 домов милосердия в 120 странах. Образ старика-полководца это для русской культуры — Кутузов, как его представил Л.Толстой в «Войне и мире». Метафизическое противостояние Кутузова и Наполеона в этом романе — это для нас противостояние подлинной старости и дерзающей, рисующей молодости.

Но есть и неподлинны старики-учителя и неподлинны старики-полководцы. Всем памятен Степан Трофимович Верховенский из «Бесов» Достоевского. Весь этот роман предстает как памфлет, направленный против безответственных учителей-симулякров¹¹. Безответственные старики-полководцы присутствуют «за кадром» в романе Курта Воннегута «Бойня № 5, или Крестовый поход детей». Здесь вторая мировая война предстает как «крестовый поход детей», спровоцированный неподлинными стариками-симулякрами.

Старость раскрывает нам социальную, диалогическую природу человека вообще. Именно старик, осознавая смысл своей жизни, особенно отчетливо понимает, что он может быть только в диалоге. Идентифицируясь через диалог с целым, с социумом, старик преодолевает животный ужас болезни и умирания. Его жизнь-в-преддверии-смерти обретает смысл в целом. Он, *бесстрашно* глядя в глаза Медузе Горгоне, может такое, чего молодой человек не сможет. И молодой человек, общаясь с настоящими стариками, получает бесценное сокровище приобщения к полноте бытия. Отсюда реально существующая стихия любви к настоящим старикам, столь же сильная, как и стихия любви к детям.

3.

Каковы же источники упомянутого выше *старческого бесстрашия*? Мы говорили о функциональном смысле старика в социуме, в культуре. В экзистенциальном плане феномен старости раскрывается через категорию *страха*. Хотя и не только — страха. Страх вообще, как известно, представляет собой разновидность проспективных эмоциональных актов. Он в этом смысле предстает как инобытие ожидания, предчувствия, тревоги, заботы, готовности, доверия (или недоверия), решимости и т.д. В нравственном плане страх возможен, как показал Кьеркегор, в двух модусах: в модусе боязни, т.е. низкого страха (*Furcht*) и в модусе высокого страха (*Angst*), который в русской религиозной традиции называется *страхом Божьим*. Старость — это особая культура эмоциональной сферы вообще и, в частности, это культура высокого страха.

Молодость, конечно, знает страх, готова порассуждать о смерти и способна к риску (часто неоправданному). Но старость существует в горизонте страха фундаментальным образом. Старик — деваться некуда — непосредственно и ясно видит неминуемую необходимость индивидуальной смерти. В зависимости от того, какой страх преобладает, складываются различные судьбы старости. Мы уже разделили старость настоящую, подлинную, достойную, с одной стороны, и старость не подлинную, жалкую, неудавшуюся — с другой. Именно в отношении к страху разделяются, с одной стороны, *настоящие старики*, и с другой — те, которые оказались не на высоте призвания старости, — *старики-симулякры*. Настоящие старики захвачены прежде всего высоким страхом (*Angst*). Старики, у которых старость не удалась, старики-симулякры, одержимы низким страхом, боязнью (*Furcht*).

Известно учение Платона о трех душах человека: чувственной, яростной и разумной. Три платоновские души в рассматриваемом нами аспекте проецируются на возрастные периоды жизни. В юности естественным образом господствует чувственная душа. У зрелого человека, общественного деятеля, доминирует яростная душа. Когда человек вступает в возраст старости, создаются условия для того, чтобы на первое место вышла разумная душа. Если у человека в старом возрасте начинает преобладать разумная душа, то перед нами *настоящий старик*, удавшаяся старость. Напротив, неудавшаяся старость являет собой такую трагедию личной судьбы, когда человек, вступая в возраст старости, тем не менее сохранил преобладание чувственной или яростной души. Печальную и жалкую картину являют собой старики старики-сластены, старики-сладогострастники, у которых продолжает господствовать чувственная душа. Когда мы наблюдаем старика, у которого непомерно развилось честолюбие, который весь в стихии «воли к власти», мы видим не подлинную старость, но старость, где человек остановился, заостенел на уровне яростной души. Он готов послать на смерть миллионы молодых людей во время войны во имя своих эгоистических целей, корыстных или амбициозных.

Старик, преодолевая непосредственную идентификацию со своим телом, выходит за рамки своего тела прежде всего через коммуникацию, через рассмотренный выше диалог. Особая приветливость старика теперь может быть объяснена тем, что он растождествляется со своим телом, уходит от своего тела в коммуникацию с Другими. Желания настоящего старика модифицируются — это желания разумной души. Они растождествляются с телом старика.

Первый шаг к настоящей старости — это выход за пределы своего тела и идентификация с телами ближних (детей, внуков, учеников). Главные радости старика переходят как бы в виртуальное пространство, становясь радостями *их* тела, радостями *их* молодой чувственной или зрелой яростной души. В этом конкретный смысл любви настоящего старика к детям, к людям вообще — глубинная база приветливости. Конкретно такое растождествление со своим телом у старика осуществляется через практику *аскезы*. Собственно, *аскеза* это всегдашний признак настоящего старика.

Освобождаясь в аскезе от непосредственной идентификации со своим телом, растождествляясь со своим телом, он идентифицируется не только с телами Других, но он идентифицируется и с артефактами культуры, а также и с вещами мира вообще. У старика *особые отношения с вещами*. Он выходит из своего пока еще живого тела в мертвую жизнь вещей. Определечивание в вещах — фундаментальная

процедура старости. Артефакты изымают бытие из времени, представляя собой способ достижения бессмертия. Искусство и культура, бытийствующие в опредмеченной форме, готовят нас к достойной старости, учат нас выходить за рамки своего тела, идентифицироваться с телом своей нации, со всем человечеством, с биосферой, с Землей, со Вселенной и, наконец, с Абсолютом.

Глубинный смысл образования состоит в том, что оно представляет собой по сути дела подготовку к настоящей старости, а не только к активному функционированию в зрелости. Античные моралисты учили молодых людей заботиться о подборе книг, чтобы читать их затем в старости. Культура как таковая, существующая не для обустройства материальных условий жизни, а как самоцель, — особенно гуманитарная культура, необходима именно для старости. Важный документ, раскрывающий духовную анатомию старости — «Автобиография» Дарвина. Ученый на склоне лет горько сожалеет, что, превратившись в машину для переработки позитивных фактов, недостаточно уделял внимания музыке, искусству¹². В результате он в финале своей жизни должен был довольствоваться пустыми сентиментальными романами.

В связи с особой нацеленностью на вещи особая роль в деятельности старика отведена *истории*. Старик — это историк по определению. В архаическом обществе смысл существования стариков был, в частности, в том, что они были живыми носителями традиции, памятью рода. В сущности их роль не изменилась и в условиях письменного, печатного и машинно-компьютерного слова. Если думающему, духовно и душевно активному молодому человеку свойственно вести *дневник* своей жизни, выплескивая в культурные формы фиксированного слова фонтан эмоций и переживаний, то старик пишет *мемуары*. Это — сама непосредственная индивидуальная история, рассказ о своей жизни как о целом. Закрепленными так или иначе, записанными, а лучше всего — напечатанными, опубликованными — воспоминаниями дается цельность восприятия мира. В этом смысле настоящий старик не только может, но и *должен* помнить; он не только может, но и *должен* писать воспоминания. Мемуары — это сама основа современной культуры, историографии, — ее нулевой пласт. Разотождествляясь со своим телом, старик пишет *историю вообще*. И совсем не важно, общался ли старик в свое время с «великими мира сего», пожимал руку Сталину, беседовал ли он с Черчиллем или нет. Значимость воспоминаний, мемуаров по ту сторону субъективной оценки этой значимости, вне компетенции самого мемуариста. Он должен заботиться только о максимальной достоверности, а

также о том, чтобы мемуары были доступны для последующих поколений. И второе важнее, чем первое. В конце концов, *лукавство* вспоминающего, его *умолчания* или даже *ложь* также есть факты истории, которые со временем становятся все более наивными и даже где-то «трогательными». Для истории лучше *слова* или *слова*, чем промолчать. Хуже, если старый человек *промолчал*, так и не решившись или поленившись выполнить свой долг свидетеля времени. Пусть — необъективного. А кто может претендовать на абсолютную «объективность»?

Господствующая чувственная душа соблазняет молодого человека на ситуационное поведение. Настоящий старик ведет себя не ситуационно, он имеет в виду контекст всей своей жизни, культивированной в воспоминаниях. Каждый поступок он получает возможность соотнести со всей своей прожитой жизнью, которая, будучи удвоенной в тексте, раскрывается как его подлинная жизнь. В результате духовной работы целое (Вселенная, Абсолют) *действительно* оказывается его жизнью.

Настоящая старость таким образом — это видение своей жизни как целого, которое, в свою очередь, включено в контекст всеобщего, в контекст *предельных оснований бытия*. У молодости в принципе не может быть такого видения, т.к. целое жизни молодого человека пока не сложилось, жизнь еще не случилась. Конечно, у молодого человека интуиция своего будущего неконтролируемым образом «случается», но она всегда относится только к сфере возможности, но не действительности. Ведь жизнь молодого человека может сложиться (случиться) по-разному, и никто не может сказать, какой она будет в действительности. Случайность, в мягких лапах которой находится молодой человек, онтологична. Она ведь вовсе не есть «непознанная необходимость». Старик, в жизни которого уже все случилось, освобождается от онтологической случайности, он оказывается на стороне необходимости, и необходимость оказывается на его стороне.

Специфический, сохраняющий и систематизирующий характер творчества старика накладывает печать на бытийствование его *авторства*. Авторствование есть соблазн молодости, это проявление молодого Angst, высокого страха молодости не оставить по себе следа — «ничего не совершить». Старик любит свои произведения, которые он оставит после себя и вместо себя, но он не придает особого значения своему авторству. Настоящий старик любит культуру в себе, а не себя в культуре. В связи с этим творчество старика отягощено заботой об авторствовании лишь в той мере, в какой старик несет ответственность за свое произведение.

Если настоящая старость представляет собой сбалансированность желаний и возможностей, то неудавшаяся старость являет собой их трагический конфликт. Жалкая роль многих современных стариков определена не тем, что правительство «не обеспечивает» их «достойной» пенсией, медицинским обслуживанием и т.д. Обеспечить их всем этим так же невозможно, как наполнить бочку Данаид. Жалкая роль определена тем, что они спровоцированы «ценностями» новоевропейской цивилизации и поддались на эту провокацию. В этих провокационных «ценностях» главное — чувственные удовольствия, брызжащий во все стороны избыток физических сил, успех, богатство и т.д. Этот набор ориентиров и для молодого опасен и разрушителен, а для старика в духовном плане он просто губителен. Настоящий старик сопротивляется этой провокации, помня о подлинной ценности равновесия и спокойствия. Он не требует невозможного от медицины, он не требует большой пенсии от государства. Он озабочен не тем, чтобы *получить* («причитающееся, заработанное»), а тем, чтобы быть по возможности нужным, раскрыть себя как часть целого. Специфика желаний настоящего старика именно в том, чтобы, как это и свойственно разумной душе, — отдавать, а не брать, что по существу означает, что ***именно старик достигает совершенства в великом искусстве любви.***

Старик-симулякр, напротив, захвачен жесткой, мертвой идентифицированностью со своим телом. Его трагедия в том, что высшим несчастьем представляются ему его индивидуальные страдания и смерть. Настоящий старик не боится страданий и смерти своего тела, поскольку дух его уже вышел за его пределы, — поскольку он уже *свободен* в своей идентификации. Старость в этом смысле уже здесь и теперь есть «жизнь после жизни», или — *подлинно духовная жизнь*. Именно *старик это и есть человек как таковой*, в себе и для себя человек. Юность и даже зрелость — это всего лишь подготовка к старости. Старость в биологическом явлении это *нисходящее движение* человеческой жизни, но по духовной сути своей есть *восходящее движение* к мистическому отождествлению с мировым целым, с Абсолютом, с Богом.

Примечания

- ¹ Противопоставление высматривания и созерцания заимствовано нами из А.Шопенгауэра.
- ² См. подробнее: *Пигров К.С.* Оборачивание метода и превращенные формы в процессе исторического творчества // Материалистическое учение К.Маркса и современность. Л., 1984.
- ³ Термин М.Мосса: *Мосс М.* Техники тела: Докл., сделанный во Франц. психол. о-ве в 1934 г. /Пер. с фр., предисл. и примеч. А.Б.Гофмана // Человек. 1993. № 2. С. 62–79.
- ⁴ *Соловьев В.* Смысл любви // *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. Т. 2 /Общ. ред. и сост. А.В.Гулыги, А.Ф.Лосева; Примеч. С.Л.Кравца и др. М., 1988. С. 493–547.
- ⁵ *Фромм Э.* Искусство любить. СПб., 2002.
- ⁶ Наше «здоровье», наша «болезнь» и даже наша «смерть» – это ведь, главным образом, не «биология», а «социология» или даже «культурология». См.: *Мосс М.* Физическое воздействие на индивида коллективно внушенной мыслью о смерти (Австралия, Новая Зеландия): Докл., сделанный в психол. о-ве /1926 г. /Пер. с фр. // Человек. М., 1992. № 6. С. 53–63.
- ⁷ Напомним, что наиболее абстрактная демографическая типология возрастов исчисляет молодой зрелый возраст с 21–22 лет.
- ⁸ *Философия старости: геронтософия: Сб. материалов конф.* СПб., 2003. 2-е изд. испр. и доп.
- ⁹ См., например: *Налимов В.В.* Критика исторической эпохи: неизбежность смены культуры в 21 веке. // *Вопр. философии.* 1996. № 11. С. 65–74. Так же: *Тейяр де Шарден П.* Божественная среда /Пер. с фр. О.С.Вайнер и др. М., 1992.
- ¹⁰ О творческом диалоге между новизной и значимостью см. подробнее: *Пигров К.С.* Научно-техническое творчество. Л., 1979.
- ¹¹ Чего стоит зловещая фраза С.Т.Верховенского: «О, русские должны быть истреблены для блага человечества, как вредные паразиты!».
- ¹² *Дарвин Ч.* Автобиография /Пер. К.А.Тимирязева // *Дарвин Ч.* Полн. собр. соч. Чарльза Дарвина /Под ред. М.А.Мензбира. М.–Л., 1925. С. 39.